

Тем не менее, это был самый продолжительный срок, в течение которого они оставили его сидеть за столом в центре комнаты, и, что более интересно, на этот раз он был один, из-за чего он разрывался между изучением выхода перед собой, до которого он не мог дотянуться полностью. когда он прикован цепью к койке или просто кладет голову на стол, чтобы хотя бы ненадолго уснуть.

Но это был также первый раз, когда они оставили внутреннюю дверь его камеры открытой, когда вышли, не удосужившись восстановить вакуум и заперев только внешнюю, дав Люку четкое представление о коротком одиночном ... коридор шага, который перекрывал пустоту между внутренней и внешней стенами камеры. Он молча смотрел, как тяжелая внешняя дверь закрылась с грохотом, гадая, что изменилось сегодня; слышал глухой стук двери ' Работает; двери были с электроприводом - в отличие от оригинала, у них были обычные замки... почему?

С того места, где он сидел, он мог видеть, что в коротком замкнутом коридоре, который разделял внутреннюю и внешнюю стены его камеры, были те же большие механизированные вентиляционные отверстия по бокам, что и у оригинала на Корусанте, которые отделяли короткий коридор от большей пустоты между стенами. и позволяя им удерживать стену пустой под вакуумом и просто открывать или закрывать вентиляционные отверстия, чтобы создать или сбросить давление в коротком коридоре между двумя дверями. Казалось, что во всех смыслах и целях такая же, как и камера под Дворцом ... так почему замки с электроприводом?

Первоначальная камера полагалась на огромную силу вакуума, чтобы удерживать двери закрытыми более надежно, чем любой замок, метод, который Палпатин разработал, чтобы не дать Люку сконцентрировать свои способности на взломе обычного замка ... так почему это - зачем использовать механический замок в вакуум? Люк пристально смотрел, понимая, что он слегка дрожит от усталости, ум снова и снова возвращается к одним и тем же фактам... Вакуум; сконцентрируйтесь на вакууме ... Единственное объяснение того факта, что двери не запирались самим вакуумом, было то, что вакуума было недостаточно.

Разве он не подумал, что в первый раз проснулся здесь? Он не мог вспомнить, его усталый разум изо всех сил пытался найти применение этому факту; чтобы запомнить каждую деталь, которую он мог видеть, чтобы ... Поэтапный замок сработал, внешняя дверь снова открылась ...

И Лея вышла в коридор, напряженная и взволнованная. . . Она увидела его, как только открылась дверь; видел, как он поднял голову, увидел, как его глаза расширились ... потом все остальное потерялось под шоком его внешнего вида, грязное и в синяках, опухшая губа и широкая рана на переносице, которая распространилась на черный глаз с той же стороны как этот длинный старый шрам.

На нем был помятый выцветший летный костюм, его темные волосы были взлохмачены, его запястья были связаны ... но когда он увидел Лею, он выпрямился, глаза сузились, как будто это была какая-то другая встреча, которая у них была, больше ничего не выдавалось или разрешено.

Под его молчаливым наблюдением, с прямой спиной и совершенно непроницаемым лицом, Лея вошла в странную камеру, двое солдат Мадина следовали за ней, чтобы занять позиции по одну сторону. Она повернулась к ним с высоко поднятой головой. «Ты можешь идти, все в порядке». Двое солдат в нерешительности остановились. «Извините, мэ, у нас есть приказ от Мадина...» «Теперь у вас есть заказы от меня». Лея выпрямилась в полный рост, что вряд ли было впечатляюще, но она была дипломатом и лидером всю свою жизнь, и, как Хан использовал любую возможность, чтобы сказать ей, если есть одна вещь, которую она знает, как сделать, это были раздавать заказы.

Тупиковая ситуация сохранялась еще несколько секунд, пока Лея смотрела в ожидании... затем ближайший солдат взглянул на своего товарища: «Да ладно. Он никуда не денется». На мгновение Лея подумала, что второй солдат будет спорить, но затем он усмехнулся и последовал за своим товарищем к двери: «Во всяком случае, на расстоянии девяноста метров». Лея оставалась неподвижной, когда они уходили, прислушиваясь, как их голоса стихают. Оставшись одна, она остановилась, внезапно не зная, как действовать дальше.

"Могу я сесть?" Люк мельком взглянул на закрывающуюся внешнюю дверь позади нее, затем на линзу системы безопасности на стене, явно не понимая, что происходит. Через несколько секунд Лея выдвинула стул напротив него, чтобы сесть. Теперь она могла видеть, как он устал и как растерян. Видела трещину на его опухшей губе - и она поняла, что он действительно был привязан к тяжелому столу перед ним. «Я... пришел посмотреть, как ты поживаешь». "Шутки в сторону?" На секунду он, казалось, позабылся, затем слегка улыбнулся и наклонил голову: «Мне было хуже». "Вам что-нибудь нужно?" "Что вы можете дать мне? Нет." Лея взглянула вниз: «Мы хотим, чтобы ты предстал перед судом ...»

«Да, Мадин объяснил мне свое намерение». Лея сделала паузу, заметив его очевидную усталость, его сдержанность, его настороженное замешательство и неловкость, несговорчивость. Она думала, что он будет другим, но полагала, что ей следовало знать иначе; она была бы точно такой же в этой ситуации ... Точно так же ... она смотрела на своего брата, вероятно, на своего близнеца. Лея тысячи раз повторяла эти факты за последние несколько дней, и постепенно все это начало обретать какой-то смысл;

Вот почему он защищал ее во время запуска Патриота над Корусантом много лет назад, вот почему он не просто арестовал ее и не передал Палпатину. Почему он хотел поговорить с ней одной, когда впервые встретился с Альянсом, почему именно ее он пытался завоевать, почему... все.

Все казалось таким ясным; все это имело смысл. Лея выпрямилась, взяла себя в руки и небрежно подняла руку, чтобы поправить волосы ... «Я только что деактивировал их систему наблюдения. Не знаю, сколько времени у нас будет, прежде чем они решат, что им это не нравится, и войдут, чтобы заставить меня уйти». Несоответствующие глаза Люка на мгновение метнулись к линзам, затем к закрытой внешней двери, затем снова к Лее, тонкие складки по краям выдавали его замешательство. Зная, что у них будет мало времени, Лея поспешила объяснить.

«Ты должен знать, что мне потребовалось четыре дня переговоров и сплочения Совета, чтобы загнать Мадин в угол, достаточный для проведения этой встречи. Мы пытаемся перевести тебя в Дом Один, но Мадин...» "Где я сейчас?" «Ты все еще на Осе». "Что за пределами камеры?" «Ничего. Он в главном трюме - вот где они его построили». «Солдаты - они верны Мадину, а не Альянсу?» «Не знаю... может быть. Наверное, если дойдет до драки».

"Сколько?" «Я не знаю; я видел, может быть, двадцать. Люк, мне нужно поговорить с тобой...» "Как ты сюда попал?" Лея нахмурилась: «На шаттле - я прилетела с Верити». "Не домашний?" «Нет, Мадин никуда не подпустит Номе Оне. Нам нужно поговорить...» "Были ли в бухте другие шаттлы, когда вы приземлились?" «Люк, я знаю - я знаю правду; о тебе - о нас.

Мадин сказал мне». «Вы не должны верить ни одному слову Мадина». Люк автоматически отпустил. «Я не знаю, но мы сохранили образец твоей крови в наших медицинских картах. Мы проверили его против моей. Люк, я знаю, кто ты, кто я - и я хочу знать остальное. Скажи мне». Он покачал головой: «Ты говоришь мне... потому что я не понимаю, о чем ты говоришь». "Где ты родился, Люк?" Он чуть не рассмеялся: «Альдераан, если верить некоторым людям». Она

напряглась: «Кто?» «Что происходит? Где я родился - вы знаете, где я родился: Татуин». «Нет, не так ли? Правда, Люк».

Он слегка нахмурился, и Лея продолжила. «Я уже знаю часть этого - я знаю, что я твоя сестра». Люк выпрямился, переплеты на его запястьях задергались о якорь, когда он откинулся на спинку стула, его глаза расширились, его реакция была достаточной, чтобы остановить Лею затем он засмеялся. Он просто рассмеялся, неуверенность, отказ и искреннее веселье на его лице. И медленно, когда он успокоился до улыбки, Лея осознала правду; "Вы действительно не знаете, не так ли?" Он покачал головой, все еще улыбаясь: «Я действительно не знаю, что сказать ». «Люк, мы брат и сестра.

Мне сделали генетические тесты... трижды». «Просто...», - его улыбка начала исчезать, глаза в замешательстве сузились. «Я не... почему ты вообще это говоришь?» Голос Люка начал повышаться, его недоумевающая нахмуренность сменилась сердитым хмурым взглядом, глаза метнулись в объектив наблюдения. "Что это такое, что вы пытаетесь сделать?" "Я думал ты знаешь..." "Знал, знал что, что у вас был какой-то странный план ..."

Он наполовину приподнялся, руки поднялись, переплеты грохотали о их крепость, и Лея быстро отодвинула свой стул назад, прежде чем осознала это, отпрянув, тело напряглось, когда она встала ... "Подождите!" Люк попытался протянуть руки, но его снова остановили ограничения, и Лея застыла в нерешительности. Тем не менее, он быстро сел, положив руки на стол ладонями вниз, сознательно расслабляясь. "Пожалуйста?" Лея медленно придвинула свой стул обратно к столу, чтобы сесть, сердце все еще колотилось, она злилась на себя за острую реакцию, как и на Люка за то же самое ... Такой же. Она вздохнула: «Мадин связалась со мной четыре дня назад и сказала, что ты мой брат. Я тоже отрицал это... но мне сделали тест. Мы брат и сестра - вероятно, близнецы».

Люк отрицательно покачал головой: «Этого не может быть - этого не может быть. Вы были с Альдераана - вы член королевской семьи». «Меня усыновили, когда мне было всего несколько дней от роду». «Это не... это не может быть правдой». Он снова попытался поднять руки, на этот раз поднести их к лицу, но его немедленно остановили переплеты. Лея почувствовала, как ее сердце сжалось, когда он смотрел, как он переживает те же самые сомнения и недоумение, которые были у нее, без ничего и никого, кто мог бы смягчить удар.

«Люк, я знаю, что это трудно принять, и я иду сюда без доказательств, без объяснений, ничего... но я обещаю тебе, клянусь своей жизнью, это правда». Он все еще качал головой, теперь его глаза расширились, его хмурый взгляд сменился недоумением и отрицанием, но Лея не сдавалась. «Правда. Что я могу сделать, чтобы доказать вам это?» «Ты не можешь. Я не...», заикаясь, замолчал, глядя на нее. « У меня нет ответа, ничего кроме этого, этот факт, мы есть брат и сестра.» «Нет... мы не можем быть. Плохая кровь - эта линия - плохая кровь».

Лея неуверенно нахмурилась. "Плохая кровь?" Люк только покачал головой, потерянно глядя вниз. Лея мягко вздохнула: «Что я могу тебе сказать? Что я могу сделать, чтобы помочь тебе поверить мне? Люк, когда они сказали мне... Я думаю, какая-то часть меня всегда знала - ты понимаешь это? Разве ты не чувствуешь то же самое? Я должен был это увидеть давно - видел. Я так часто мечтал о тебе ». Она покачала головой: «Я должна была знать...

Я всегда видела тебя во сне... Я видела, как волк воет в лунном свете, и подумала... Я не знаю, я...» «Подождите, вы видели волка и луну?» Лея покачала головой, извиняясь: «Я не знала, я не знала тебя тогда...» «Это не имеет значения», - он смахнул его, мгновенно сосредоточившись, перемены происходили постоянно. "Что еще вы видели?" Лея покачала головой: «Это были просто мечты». «Некоторые казались намного больше, не так ли?»

Некоторые были у вас снова и снова; некоторые казались такими реальными...» "...несколько." Ее голос был тихим, неуверенным под интенсивностью его внимания. «Скажите мне, другие ... скажите мне, что вы видите?» «Я не помню». "Пожалуйста?" Лея заколебалась: «Я знала, когда ты приедешь за Мон - я знала!» Эти поразительные, несоответствующие глаза были сосредоточены на ней, страстные и серьезные, и в этот момент снова был полностью Люк, зовущий ее, втягивая ее в себя. «Скажи мне, о чем ты мечтаешь сейчас - скажи мне, что именно ты видишь?» Лея снова покачала головой, чувствуя себя неловко под этим пристальным вниманием. «В наши дни?

Просто... кольцо... два кольца, я полагаю. И солнце». Она заколебалась, и он успокаивающе кивнул, когда она продолжила. «Ну, иногда одно солнце, иногда ... может быть два, очень ярких; солнечные вспышки образуют вокруг них корону ... но я не думаю ... у меня не создается впечатление, что они настоящие. Я не знаю ... это просто сон." «Я не могу... если бы я мог...» - он поднял руки, чтобы потереть виски, но был вынужден наклониться вперед, переплеты, которые держали его, были слишком короткими даже для этого.

В течение долгого времени его голова оставалась опущенной на стол, покоившись в его руках, и глаза Леи привлекло широкое пятно крови, которое распространилось и высохло, не заметив, через воротник старого летного костюма и спустилось ему на плечо, его волосы были спутаны. шрам у основания черепа. Лее так хотелось положить руку ему на плечо, чтобы успокоить, но что-то удерживало ее. Когда он поднял глаза, в его глазах была дикая надежда и крайнее разочарование: «Я мог бы провести вас через это, если бы у меня был доступ к...», он снова покачал головой.

«... Я слышу слова». - наконец предложила Лея, надеясь успокоить его. «Ну, не слышу... но и не читаю - я не могу прочитать сценарий, но... я просто знаю». «Сценарий - вы видите слова... написанные?» Она делала? Раньше она об этом не думала; это был только сон.

«Не знаю, думаю, да, но не написано; может быть, точеным... врезанным в нечто вроде камня». . Люк смотрел в течение долгих секунд, тяжесть давила на него так сильно, что он едва мог дышать, необычная тишина охватила его, когда он услышал свой собственный голос, приглушенный и смиренный, наконец смиряющийся. «Это трон... был. Трон Солнечных лучей; два солнца, зеркальные противоположности, одно впереди, другое сзади, окруженное солнечными вспышками. На нем выгравировано пророчество, спрятанное в резьбе - старое пророчество - вот что вы наблюдаем. Часть его имеет форму двух кругов, один переплетающихся с другим ". Лея нахмурилась, явно не зная, почему это так много для него значит. "Это мы." - сказал Люк просто в ее замешательство.

«Так было всегда; мы. Двойные солнца. Двойные кольца, двойные загадки». Она была частью этого баланса; баланс был внутри них, хорошее и плохое, темное и светлое, инь и янь. Это было так очевидно; так очевидно... теперь, когда он смотрел на последний кусок головоломки. Глядя на нее и пугая своим шатким замкнутым спокойствием; он мог видеть это довольно ясно. Слова Палпатина шептали снова, насмехаясь; «Чего вы боитесь, джедай? Что вы видите в темноте, когда приходят ваши демоны?» «Плохая кровь... ты не можешь быть одним из нас, Лея, ты не можешь быть. Мы все плохая кровь».

Лея покачала головой: "Почему ты все время так говоришь?" «Посмотри на нас! Посмотри на Вейдера... мой собственный отец передал меня Императору, зная, что он сделает! Ты хочешь требовать часть этого - часть того наследия?!» Ее огромные карие глаза расширились, и он сразу понял, что эта мысль даже не пришла ей в голову - возможно, она давно забыла его признание или отвергла его без единой мысли до этого момента - но она впечатляюще собралась, качая головой непоколебимая. «Я думаю... чем больше я тебя знаю, тем больше

думаю, что ты делаешь только то, что считаешь необходимым».

С болезненным осознанием Люк осознал то же самое, что когда-то обвинил Палпатины с такой насмешкой; «Я верю, что вы способны на все в достижении своих целей». Был ли он сейчас таким другим? Снова обвинения Палпатины пробежали по нему, как дрожь, осуждая любое возможное будущее; "Плохая кровь..." «Да, я верю, и я всегда буду... разве ты не видишь? Это делает меня самым опасным волком из всех». "Давай я тебе помогу..." «Нет, я потащу тебя с собой, клянусь, что буду». «Я не верю тебе - я не верю, что ты это сделаешь». Он покачал головой: «Ты ошибаешься, ты очень ошибаешься».

Я знаю, что ты смотришь на меня и видишь человека, которого знала раньше... но его больше не существует. Его нет. Я существую. Я ситх, ситх, обученный Палпатином. Независимо от того, что вы думаете, что видите, я такой. "Но это же не все, что ты есть, не так ли?" Люк нахмурился, и Лея продолжила: «Потому что тебя тоже тренировал Йода, не так ли - ты сам сказал это в прошлый раз, когда мы говорили, ты сказал, что Мастер Йода тренировал тебя, когда генерал Кеноби умер. Я знаю, кто такой Мастер Йода. был. Мой отец... - она запнулась, неуверенно запинаясь, - мой приемный отец, Бейл Органа, много раз говорил о Йоде».

Он был мастером-джедаем, одним из членов Совета Двенадцати. что он был членом Совета джедаев? Если вы тренировались с ним, как вы сказали, то вы тренировались как джедай». Люк молча посмотрел вниз, когда Лея наклонилась ближе, взяв его связанные руки в свои. «Ты сказал мне еще кое-что в тот день; я отчетливо помню это, потому что это было одним из первых вещей, которые заставили меня задаться вопросом... Ты сказал, кем бы ты ни был, ты все еще был тем человеком, который не оставил своего друга умирать на Беспине... и я тебе верю». Он сгорбился, не в силах вытащить руки, не в силах заставить ее понять.

«Ты не знаешь ... ты не знаешь, кто я ...» «Да, верю», - сказала Лея с абсолютной убежденностью. "Вот почему я нахожусь здесь." . Лея смотрела, как Люк задерживал ее взгляд долгое-долгое время, мириады мыслей быстро вспыхивали в его глазах, заметные в тонких изменениях на его синяках на лице, когда он боролся с внутренними демонами. Когда он, наконец, заговорил, в его словах была срочность: «Ты мне доверяешь?» Лея сделала паузу, глубоко встревоженная, но не отводила е Она посмотрела на него, внезапно с безрассудной надеждой: «Может, это не имеет значения». "Кто еще знает?"

«Хан и мой начальник разведки, командер Масса». Он кивнул, глядя вниз, глядя на свои связанные руки, пока он размышлял, сознание явно билось. «Никто не может знать - вы потеряете контроль над Альянсом». «Может, мне просто уйти...» Люк сразу же посмотрел на нее: «Нет! Нет, абсолютно нет. Чего он хочет?» «Он хочет, чтобы это было передано военному трибуналу, который предоставит ему полный контроль». «И он сказал тебе поддержать его, чтобы это было открыто и по правильным каналам?» «У меня есть четырнадцать дней - девять сейчас - чтобы убедить Совет проголосовать в его пользу». Лея взглянула вниз: «Я должна отдать дело в суд; по крайней мере, есть возможность...». «Нет, не делай этого».

Он был абсолютно, непоколебимо уверен. «Судебный процесс подтолкнет весь Альянс к поддержке решений Мадина. В глазах общественности не будет никакой разницы между действиями Мадина и действиями Альянса. Вы должны оставаться отдельными, чтобы переговоры работали». Лея нахмурилась: «Что?» «У меня нет времени объяснять. Вы сказали, что хотите доверять мне - поверьте мне в этом. Не позволяйте этому дойти до суда. Он потянет вас всех вместе с собой, потому что это будет официальной политикой Альянса».

Прямо сейчас у вас все еще есть шанс, потому что, если вы публично уволите и осудите Мадина, тогда, когда он приставит пистолет к моей голове, это будет Мадин . возможный

вывод, вы это знаете, но тогда это будет Альянс , а не человек. Вы не можете быть связаны с этим, или все, что мы пытаемся достичь, будет потеряно - и я не передам это ему, Я не позволю ему забрать это ". «Люк, так или иначе, я должен довести это дело до суда - если я этого не сделаю, я потеряю контроль над Мадинам». Только сейчас, когда она разговаривала с Люком, наблюдала за его лицом и слышала его голос, все это кристаллизовалось в голове Леи. Потому что перед ней сидел Люк Скайуокер, такой же сильный, стойкий и абсолютно преданный своему великому делу, как никогда раньше.

Она должна была вытащить его - она должна была это сделать. Люк решительно покачал головой. "Вы участвуете в этом, и вы никогда не сможете отступить от этого, вы всегда будете испорчены. Вам нужно дистанцироваться прямо сейчас, пока все это не взорвалось вам в лицо. Вам нужно идти и не приходить назад. " «Нет! Я могу помочь тебе». "Ты хочешь мне помочь?" "Да." «Тогда найди мое кольцо». Лея остановилась как вкопанная, ее мысль полностью прервалась его просьбой. "... Какая?" «Мое кольцо - мое кольцо пропало».

Это полностью сбilo Лею с ног; заставил ее быстро мигать, понимая, что он будет больше беспокоиться об этом, чем о собственном затруднительном положении. «Это был перениум с голубым камнем - я всегда его ношу; ищи любое мое изображение, и ты его увидишь. Камень ничего не стоит ни для кого, кроме меня. Кольцо...» он заколебался, нахмурившись, приняв его ушибленное лицо «... Это единственное, что у меня есть, когда-то принадлежало моей матери».

Лея смотрела долгие секунды, ее сердце вырывалось из-за сдержанных эмоций в его тихом голосе - и он не скрывал этого, не отворачивался, а просто смотрел на нее, несоответствующие глаза бледнели от темных синяков, на которые он даже не казался замечать - похоже, не заботился. "Кем она была?" - тихо пробормотала Лея, положив руки на его. Люк огляделся, по понятным причинам неохотно учитывая его окружение: «Возможно, в другой раз. Вы можете мне помочь? Это очень важно для меня». «Я постараюсь, обещаю». «Если найдешь - не отпускай. Мой... твой отец отдал его твоей матери до нашего рождения. Никогда не теряй его». Тяжелая дверь со звуком ударилась о ступенчатую разблокировку замка позади нее, заставив Лею подпрыгнуть. Люк оглянулся: «Время вышло».

Сказав это, он взял ее руку там, где она лежала на своей, пальцы обвилились вокруг ее руки, и на мгновение он держал ее... затем он отстранился - насколько мог - ради ее безопасности, она знала. Импульсивно, когда последний болт высвободился, Лея потянулась назад и сняла с волос маленький скремблер для защиты от наблюдения и быстро передала его связанным рукам: «Вот, немного уединения». Люк нахмурился и посмотрел вниз.

«Это скремблер; его невозможно обнаружить, если он не включен», - быстро сказала Лея, переворачивая его, - «включено, выключено; та же кнопка». Учитывая крохотное устройство, Люк колебался секунду, когда дверной замок открылся, не зная, где его спрятать ... затем он кивнул головой на связанные руки и сунул в рот, снова сев прямо к тому времени, когда вошел солдат. . Лея быстро встала, желая смотреть стражникам на нее, а не на Люка, но ей не о чем беспокоиться; он уже представлял собой образ все еще спокойного, лицо, превращающееся в пустую нейтральность, глаза сосредоточены ни на чем.

Не в силах остановить себя в тот момент, когда она подошла к тяжелой двери, Лея рискнула бросить последний взгляд на Люка... и он подмигнул, его глаза в синяках вызывающе блеснули. . . Повернувшись, Лея молча вышла из камеры, ее командос пошли за ней, солдаты Мадина либо нагло сопротивлялись, либо полностью избегали ее взгляда.

Она была на полпути, когда засунула руки в карманы, задевая пальцами шприц с образцом, который ей дал Тэг. На долю секунды она тихо выругалась, прервав походку ... затем улыбка

медленно распространилась, когда Лея шла по коридору, бесконечно качая головой. Потому что правда в том ... правда в том, что она ей не нужна. Она знала. . . Снова оставшись один в камере, Люк ждал, пока двери не закроются, досчитав до двадцати, чтобы дать Лее время отойти на разумное расстояние, чтобы казалось логичным, что все, что она использовала для блокировки наблюдения внутри камеры, теперь отключено. диапазона, прежде чем осторожно перемещать скремблер во рту, помещая его между верхними и нижними зубами, чтобы осторожно прикусить, слыша и чувствуя легкий «щелчок» при его отключении. Когда через несколько минут они вернулись в камеру, Люк испытал момент слепой паники из-за того, что Мадин мог бы спросить его, о чем он и Лея говорили, когда у него все еще был маленький скремблер во рту ...

Но двое солдат просто сняли его связки со стола и силой затащили его обратно на койку, чтобы привязать цепочку на лодыжке, прежде чем выйти, не сказав ни единого слова, как обычно. Один раз взглянув на объектив наблюдения, Люк лег и повернулся на бок спиной к объективу, чтобы выплюнуть скремблер, оставив еще несколько секунд, прежде чем он рискнул поднять скованные руки, чтобы взять его и осторожно сдвинуть вниз. через край холста к тяжелой металлической А-образной раме, на которую натянута полотно. Кончиками пальцев он провел маленькое устройство по металлу и поместил его внутри рамы, в безопасном месте подальше от посторонних глаз. Он знал, что ему следует думать о скремблере; о двери, о неожиданных замках - о том, как сочетать эти вещи и использовать их. Но все, о чем он мог думать, было откровением Леи.

Все, о чем он мог думать, было то, как этот факт может затронуть каждую часть его жизни. Всегда, всегда Палпатин повторял снова и снова, что Люк, по сути, был порождением Тьмы, и поэтому все его усилия в конечном итоге ни к чему не привели. Он был сыном своего отца; как часто Палпатин бросал ему это в знак осуждения. Все, чем он был, он принял, основываясь на утверждениях Палпатина о происхождении... утверждениях, что он создал отца Люка - его родословную - чтобы исполнить пророчество.

Создал его из Тьмы, и тем самым проклял Люка и всех остальных в нем к тому же. Вот почему все они обладали этой уникальной связью, этой настройкой... этим проклятием. Их создала Тьма . Как же тогда они могли быть кем-то еще? Как мог кто-то из этой линии отличаться от своей природы? Люк снова подумал о кольце; матери, которую он никогда не знал ... « Я любил ее - очень сильно». Слова его отца ... Палпатин убедил Люка, что, поскольку он был сыном своего отца, он разделит судьбу своего отца, и он не может простить этого ни своему отцу, ни себе.

Не мог игнорировать страх, что, что бы он ни делал, Даркнесс потребует его из-за этого. Он мог вспомнить с мучительной, острой точностью те неуравновешенные, хаотичные, взрывные дни, когда он чувствовал, что постепенно ускользает от него, и проклинал своего отца, свое наследие и себя. И теперь он сдерживал себя, сдерживаясь; никогда не выходя за безопасные рамки жестко контролируемых эмоций. Люди говорили, что он был холодным, замкнутым, сдержанным... и он был таким. Потому что альтернативой было дать этим эмоциям господство; дать волку Палпатину комнату для бега. Это были два варианта в его жизни.

И Мара... Мара, которую он держал на расстоянии вытянутой руки так долго, не только потому, что опасался позволить ей снова приблизиться, но также из-за очень реального страха, что он может причинить ей боль; что из-за того, что Палпатин скрутил его, он мог в какой-то слепой ярости повернуться против нее, прежде чем он осознал, что делает, его отец сломал постоянную колкость. Он знал, что она не боялась; что она все дни жила среди волков того или иного оттенка. Но его слова к ней давным-давно были предупреждением, а не угрозой;

«Если вы вытащите руку из волка, не удивляйтесь, если он укусит». Это знание так долго удерживало его от нее, опасаясь, что он уничтожит ее и унесет с собой гораздо больше в спираль самоуничтожения, которая последует, как это было с его отцом. Плохая кровь. Но Лея ... что-то хорошее пришло из любви отца к матери. Из его запретной любви к Маре можно было спасти что-то хорошее. Можно было создать что-то хорошее - в эту минуту создавалось. Потому что Лея - Лея, в жилах которой текла та же проклятая кровь, - Лея была этичной и благородной личностью, горящим лучом света. Лея, его сестра, его близнец, его кровь; Лея была хороша - и ее кровь текла в его жилах. Мог ли он претендовать на часть этого? Он снова подумал о своем отце, о связях, которые были слишком глубокими, чтобы когда-либо содержать условия или ограничения.

Помимо всего прочего, каждого разочарования, каждого обвинения, каждого страха перед утверждениями и предсказаниями Палпатина, Вейдер все еще был его отцом ... и Люк по-прежнему гордился тем, что знал его. В конце концов, он действительно любил своего отца... и это тоже было у него в крови. « Плохая кровь...» Бесконечные обвинения Палпатина снова пробежали по нему, как дрожь, осуждая любое возможное будущее. Он всегда клялся, что единственное, что он никогда не даст Палпатину, - это продолжение этой зараженной родословной ... но теперь Мара забрала у него этот выбор, и его самые глубокие страхи стали реальностью.

Только не так, потому что если Лея была его сестрой... если Лея была его сестрой, она не была испорчена. Он знал это абсолютно. И где это оставило Люка в его осуждении этой линии; в своем желании покончить с собой? Родословная не испорчена - Лея была тому доказательством. Она не была обречена на угрызения совести, он это знал . Ничего не было написано. Это была ложь человека, который жил с ними и умер от них. Будущее его будущего сына не было решено корыстными действиями озлобленного старика; он придет в эту галактику, как и любой другой ребенок, свободный, новый и незапятнанный; невостребованный судьбой или провидением. Он будет идти своим путем, прокладывая свой собственный жизненный путь, жить своими действиями. Этот выпуск был головокружительным. Это отсрочка.

Он наклонял Вселенную вокруг своей оси, он освещал самые глубокие и темные тени. Теперь ответственность, которую он возложил на себя, чтобы положить конец этой родословной, была не только неуместна, но и не в его руках; Лея будет жива, даже если Люк умрет здесь, и ее не будут связывать никакие его убеждения. Решение было взято из его рук... всячески было не в его руках.

Мара рожала своего ребенка, продолжая наследие, которое он стремился положить конец, но даже если бы это было не так, Лея, вероятно, однажды сделала бы то же самое. И его ребенок ... его сын обладал тем же безграничным потенциалом, что и любой другой новорожденный, галактикой возможностей и целой жизнью, чтобы выбирать и реализовывать их. Он улыбнулся, усталый, зная, что они скоро придут за ним, встряхнули его и потащили обратно к столу, чтобы снова начать требовать, диктовать и наказывать, но прямо сейчас ...

Люк медленно выдохнул и изучил момент, оставаясь безмолвным. и все еще из страха сломать его. Это было не в его руках... и единственное, что он почувствовал, - это полное облегчение. Это пульсировало в нем, монументальная победа, врученная ему без представления о ее глубине или масштабе сестрой, о которой он никогда не знал, просто существованием. Даже здесь, даже сейчас; ничто не могло отнять у него этот момент. Это торжество. . За исключением одного факта, одного знания, которое прожигло его и безжалостно увлекло обратно в эту маленькую камеру и ее мрачную, мрачную реальность. Потому что он очень сомневался, что когда-либо получит возможность вернуть эту отсрочку тому человеку,

которому он хотел рассказать, единственному человеку, с которым он так отчаянно хотел разделить это новое будущее; Мара.

Мара сидела в Военном Кабинете, глядя на голокарты, пока Арко и Джосс подводили итоги огромного расхода доступных ресурсов, как видимых, так и невидимых, которые мобилизовались. Шесть дней; шесть дней, и все, что они знали наверняка, это то, где Люка нет. У них не было ни зацепок, ни хитов. Каждая подсказка сводилась к нулю, каждый шепот - в тупик. Один корабль - если предположить, что он еще на нем - один корабль в галактике звезд, планет, спутников, скоплений, туманностей, поясов астероидов и газовых облаков.

И что бы вы ни искали, поищите снова двадцать пять часов спустя, потому что весь вчерашний Intel уже устарел. Каждый информатор, которого они вводили, ничего не знал, каждый агент рисовал пустым, каждый контакт, каждую организацию. Время; всем нужно больше времени; дайте им месяц, сказали они, шесть недель, прижав уши к земле, а может, просто может ... Но если верить Рису, у Мары не было и месяца; у нее, вероятно, уже не было и половины этого. И дни шли. Это была работа внутри работы внутри работы; даже повстанцы, похоже, не знали своих дел между отдельными группами. Они могли потратить месяц на преследование отдельных отрядов повстанцев, пытаясь приблизиться к нужному, даже для единственного кусочка информации, могли направить огромные части флота для их отслеживания, и они все еще могли ничего не знать.

Куда ты смотрел? Как вы выслеживали группы, для которых делом всей жизни было оставаться скрытыми? Как вы отследили группу, которая ежедневно ставила свою жизнь на карту, чтобы оставаться незамеченной? Они были слишком разрозненными, слишком разнообразными. Ни одна группа не знала точно, что делает другая, только главный командирский фрегат Неме.координируя и синхронизируя с более широкой картиной в руке, и в качестве поиска этого единственного корабля она может также искать Осу. Каждый день они проводили собрания старшего персонала, утром, поздно вечером и поздно вечером, на которых подводились итоги дня, пусть и немногочисленные, и решался следующий шаг ... и часы тикали, и встречи продолжались.

Кирия Д'Арка появлялась на первом брифинге после саркастического приглашения Мары несколько дней назад и с тех пор посещала все до единого, представляя собой образ непоколебимой озабоченности. И как бы Мара ни хотела выгнать ее, она прекрасно осознавала тот факт, что это она ее пригласила - несерьезно, но, конечно, Д'Арка поверит ей на слово и позовет ее, если Мара что-то скажет. в настоящее время.

Она поджала губы и снова посмотрела на голографическую звездную карту, парящую над столом; ей действительно нужно было перестать делать неожиданные комментарии - очевидно, тебе не разрешалось быть саркастичным, когда ты был Регентом; все приняли все сказанное вами точно на слово. Раздражающе - или, к счастью, в зависимости от настроения Мары в любой момент - Д'Арка до сих пор безупречно исполнила свою роль, замаскировав отсутствие Имп И Мара не знала, что ему сказать.

Усталая и онемела, живот бурлит, быстро доходя до точки, когда она не знает, что хуже; ничего не зная или зная правду. Наконец, после долгих минут, проведенных в тишине, Мара попробовала вяло произнести фразу: «Ты уже ел?» Он покачал головой, не поднимая глаз, и они спокойно прошли минуту, прежде чем он тихо сказал: «Не с завтрака. Ты?» Для него стало такой редкостью говорить, что Мара повернулась и несколько секунд смотрела, опешив, прежде чем, наконец, покачала головой: «Нет, на самом деле не голодна.

Мой живот завязан узлами». Он взглянул на нее понимающим голосом: «Ты еще не спала?»

Она покачала головой: "Нет, ты?" «Несколько часов», - сказал он отстраненно. "Если вы хотите чем-то помочь ..." «Нет», - твердо сказала Мара. Правда заключалась в том, что она боялась, что даже пропущенная минута может быть разницей между жизнью и .. Натан вздохнул, спасая Мару от того, чтобы довести эту мысль до конца. «Тебе стоит немного отдохнуть, Мара, иначе ты никому не поможешь. Почему бы тебе не зайти сейчас - я могу тебе кое-что дать?» Они находились в Северной башне, недалеко от малоиспользуемого медиапункта Натана, поэтому Мара кивнула, смягчаясь. .

На знакомой территории своего кабинета Натан стал, как всегда, непревзойденным медиком, уже принимая таблетки из своего маленького запертого стенного магазина. «Я дам вам пропоксил. Если нужно, я могу мгновенно отменить эффект с помощью укола». Он протянул маленькие таблетки и наполнил мензурку водой, передавая ее одновременно, когда снял со своего рабочего стола портативный медицинский сканер, автоматически запустив сканирование. Мара бросила таблетки в рот и подняла стакан - и Натан неожиданно протянул руку, чтобы удержать ее. "Вы их проглотили?" Было что-то в его тоне, что остановило беспокойный ответ на губах Мары. «Выплюнь их», - быстро сказал Натан.

"В настоящее время." Подчинившись, Мара нахмурилась, глядя на таблички. "Натан, что за черт?" Он даже не заметил резкого тона Мары, казалось, более заинтересованного в том, чтобы сделать второе сканирование ... затем третье. Наконец, он положил сканер и подошел к двери, бросив взгляд в пустой коридор и прикрыв его телохранителям Клема, которые ждали на некотором расстоянии у дверей медотсеков. Когда он снова повернулся к Маре, он внезапно казался более настороженным, чем она видела его несколько дней.

«Хорошо... хорошо... ..» Натан долго колебался, словно не зная, как именно продолжить. «... Прежде чем я скажу тебе это, мне нужно, чтобы ты сделал две вещи». Мара смотрела долгие секунды, прежде чем слегка покачать головой, набирая терпения. "Хорошо, что угодно". Натан выдвинул свой стул из-за стола: «Во-первых, я думаю, мне нужно, чтобы ты села здесь. Затем мне нужно, чтобы ты пообещал мне, что, когда я скажу тебе это, ты останешься сидеть». Мара сузила глаза, но села, наблюдая, как Натан подошел к дальнему краю стола. Он помедлил еще несколько секунд, усевшись на край стола - и Мара могла поклясться, что он рассчитывал расстояние до двери.

Когда он снова повернулся к ней, у него была та раздражительная, знакомая улыбка, которую он выработал очень давно, как маленькое животное в свете фар спидера, и наконец робко сказал: «... Поздравляю?» Мара смотрела на него долгие секунды, слишком уставшая для загадок. Когда она наконец несколько раз моргнула, качая головой, это был не самый последовательный ответ: «... Что?» «Поздравляю». Мара хотела подняться, но Натан, стоя, протянул руку, отступая, как будто он хотел поспешно отступить к двери, протянув одну руку. «А-а! Сиди, сиди, сиди!» «Хорошо, я закончил с играми, о чем ты, черт возьми, говоришь?» Мара впиалась взглядом в Натана, не в настроении для этого.

Но он просто смотрел в ответ, молча, желая, чтобы она поняла... и постепенно истина открылась. Она тяжело села, челюсть отвисла, рот открылся в шоке, не понимая, что сказать или что чувствовать, эмоции нахлынули на нее. Она действительно почувствовала, как кровь стекает с ее лица, наклонившись вперед, локти упираясь в край стола Натана, чтобы прикрыться. ее лицо руками, «Ооо...» «Итак... я предполагаю, что мое предположение о том, что это не было ни малейшего запланированного, верно?»

Мара отодвинула палец в сторону и уставилась на Натана сквозь руки. "Что ты думаешь?" Он извиняющимся тоном пожал плечами: «Я не знаю; это не та информация, которую меня часто просят раздавать». "Нет нет нет." Теперь Мара возражала: «Нет, я была осторожна». Натан

пожал плечами: «Я уверен, что это так. Вы также молоды и здоровы, и иногда природа так же полна решимости оставаться несвязанной, как современная медицина - сдерживать это». «Нет, подождите, серьезно...» - она не выдержала и просто качнула головой. «Мне очень жаль, но сколько бы раз вы ни говорили «нет», все равно «да»».

Вы беременны - примерно восемь или девять недель, я полагаю, хотя это не совсем моя область знаний. Я бы порекомендовал кого-нибудь но... - он посмотрел в сторону, а затем обратно, - «учитывая... нынешнюю ситуацию, я не совсем уверен, что это та информация, которая должна идти дальше прямо сейчас». Совершенно новый поток выводов нахлынул на Мару, когда она даже не начала обрабатывать первый набор, и все еще понятия не имела, кем она должна быть в этот момент, что она должна чувствовать. Хотя она была чертовски уверена, что далеко идущие последствия реакции Кириа Д'Арка не должны быть тем, что сейчас больше всего играло в ее голове. Зная, что Натан смотрит на нее, Мара подняла глаза, но единственным выражением на его лице было серьезное, искреннее беспокойство: «Так что ты хочешь сделать?»

В этот момент Мару захлестнула волна эмоций, мгновенная и ошеломляющая; страстное желание защитить то, о существовании чего всего несколько минут назад она даже не подозревала. «Я чертовски надеюсь, что ты сможешь сохранить секрет, Натан Холлин». Медленная улыбка расплылась по его лицу, и в этот момент он снова стал беспечным и скромным чародеем. «Ты даже не представляешь, сколько я уже храню, Мара Джейд».

Она почти улыбнулась ... и вот так, когда она думала, что больше не может скучать по Люку, Мару охватил совершенно новый уровень горя и отчаянной боли. Все больше и больше она обнаруживала, что в последние несколько дней заключает бесконечные пакты с Судьбой, в которые она даже не верила. Любая цена; она заплатит любую цену, чтобы вернуть его, и она знала это. Теперь она так отчаянно хотела, чтобы он вернулся не только для себя, но и для их ребенка ... Их ребенок - перспектива казалась устрашающей на всех возможных уровнях.

Потому что теперь ей нужно было вернуть Люка не только для себя и для Империи, но и для защиты их ребенка. Она могла и, черт возьми, могла бы защитить его сама, конечно, но не так, как она могла бы с Люком за спиной; Лука защитит свое наследие и его право по рождению - и это потребует такой защиты, иначе оно мгновенно станет средством за и против амбиций других. Ее разум устремился проанализировать это; подумайте, что бы произошло, если бы Риса не поймали; если бы его заговор не был раскрыт, но все же имел успех. Д'Арка, конечно, всегда подчинялся бы Люку, если бы он был жив, но ...

Мара на секунду остановилась, осознав это; каким естественным и очевидным это казалось в тот момент, как опускающийся занавес. Мара знала, что пока Люк жив, Д'Арка будет полагаться на его выбор. Но если он ушел... Д'Арка была сильной и умной, и она заручилась поддержкой королевских домов; В конце концов, она была Императрицей. Потребовалось бескомпромиссное влияние Люка, чтобы сдержать ее и амбиции Дома Д'Арка; чтобы убедиться, что будущее ребенка было безопасным. С другой стороны, действительно ли Мара хотела, чтобы у их ребенка была эта жизнь? существование, которое теперь вел Люк, наполненное бесконечным бременем, требованиями и опасностями?

Дело в том, что их ребенку уже угрожала смертельная опасность, а он еще даже не родился. Их ребенок. Мара слегка выпрямилась, поджав губы. «И что нам теперь делать?» «Вы знаете, я понятия не имею». «Здесь ты не вселяешь в меня уверенности, Натан». «Не волнуйтесь, я могу вытащить какую-нибудь ссылку...» Мара приподняла бровь: «Эй, я могу вытащить какую-нибудь ссылку». Он затронул освященную веками смесь оскорбленной гордости и самодовольства: «Да, но я бы знал, что читаю - я получил докторскую степень. Мы покрываем

это». "Теперь ты уверен?" «Совершенно уверен, спасибо.

Просто я из тех врачей, которых обычно просят лечить кости, зашивать и вообще говорить Императору, что все, что он сделал на этот раз, было явно необоснованным риском...» Он замолчал, слишком поздно сообразив, что он говорил, и Мара вернула голову в руки, сожаление, восторг, страх и горе снова омыли ее. «Мы вернем его, Мара». Она покачала головой, дыхание прервало ее глубокий вздох. «Я просто... в ангаре на этом чертовом грузовом судне, - сказал он, - сказал, что рассчитывает на меня, чтобы найти его и вытащить. «Он знает, что ты сделаешь все, что можешь, Мара - это все, что он ожидает от...»

«Нет, я не это имела в виду», - прервала его Мара. «Я имею в виду... я имею в виду, что он мне не доверяет, я знаю это - я знаю, что он мне не доверяет, так зачем говорить это?» Натан покачал головой: «Мара, единственное, что он всю свою жизнь пытался сделать, - это привести эту Империю к какому-то соглашению; все, что он сделал, и все, на что он надеялся, и все, что он перенес, было направлено на это. то время, когда я его знал, было большей частью его жизни, и он сделал бы все, чтобы достичь этого, и все, чтобы защитить это - и теперь он отдал это в ваши руки. "

«Но зачем ему...» - возникла случайная мысль, и Мара действительно не знала, смеяться ей или плакать; Люк, отталкивая ее в безопасное место на борту «Осы», зная, что его поймают; покупая ее свободу своей собственной - потом он прошептал с ухмылкой на лице; «Мара! Анакин - его следует звали Анакин». Он знал. Он знал, и он дал ей тот момент, это знание, это благословение. Ей хотелось кричать, плакать, смеяться - вернуть его сюда прямо сейчас. Потому что она была проклята, если позволила ему пропустить это.

У их ребенка будет отец, который будет любить и защищать его всеми врожденными отцовскими обязательствами, которые, как она знала, Люк с готовностью даст. Но если ... если Люк не вернется ... тогда она будет всем для этого. Она была бы всем, что, как она знала, сейчас мелькнуло в этих ярких несовпадающих глазах, когда он взглянул на нее в последний раз с такой верой и страстью. « Анакин - его следует звали Анакин». Мара посмотрела на Натана, услышав прерывистый голос: «Это мальчик, не так ли?» "Откуда ты знаешь?" «Люк знал». Натан неуверенно нахмурился: «Он знал?» Мара кивнула, поджав губы от слез, сковывающих ее горло, даже когда ее губы вызвали улыбку.

<http://tl.rulate.ru/book/50172/1288392>